31761 08821283 2

LR
A9523d

Averchenko, Arkady Timofeevich
Дюжина ножей въ спину революціи.

[Title transliterated:
Dyuzhina nozhei v spinu revolyutsii.]

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

ДЮЖИНА НОЖЕЙ ВЪ СПИНУ РЕВОЛЮЦІИ

ПАРИЖЪ
1921

LR
A 9523d

Averchenko, Arkady Timofeevich

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

Дюжина ножей въ спину революціи

Dyuzhina nozhei v spinu revolyutsii

12 новыхъ разсказовъ

1921

557366
12. 2. 53
UNIVERSITY OF TORONTO

BIBLIOTHEQUE UNIVERSELLE
73, Bd SAINT-MICHEL PARIS

Аркадій Аверченко.

(Шаржъ М. С. Линскаго).

Imp. «Union», 46, Bd Saint-Jacques, Paris

Исключительное право изданія принадлежитъ
издательству Bibliothèque Universelle,
73, Boulevard Saint-Michel, Paris

ПРЕДИСЛОВІЕ

Можетъ быть, прочтя заглавіе этой книги, какой нибудь сердобольный читатель, не разобравъ дѣла, сразу и раскудахчется, какъ курица:

— Ахъ, ахъ! Какой безсердечный, жестоковыйный молодой человѣкъ — этотъ Аркадій Аверченко!! Взялъ да и воткнулъ въ спину революціи ножикъ, да и не одинъ, а цѣлыхъ двѣнадцать!

Поступокъ — что и говорить — жестокій, но давайте любовно и вдумчиво разберемся въ немъ.

Прежде всего, спросимъ себя, положивъ руку на сердце:

— Да есть-ли у насъ сейчасъ революція?..

Развѣ та гниль, глупость, дрянь, копоть и мракъ, что происходитъ сейчасъ—развѣ это революція?

Революція—сверкающая прекрасная молнія, революція—божественно красивое лицо озареннаго гнѣвомъ Рока, революція—ослѣпительно яркая ракета, взлѣтѣвшая радугой среди сырого мрака!..

Похоже на эти сверкающіе образы то, что сейчасъ происходитъ?..

Скажу въ защиту революціи болѣе того— рожденіе революціи прекрасно, какъ появленіе на свѣтъ ребенка, его первая безсмысленная улыбка, его первыя невнятныя слова, трогательно умилительныя, когда они произносятся съ трудомъ лепечущимъ неувѣреннымъ въ себѣ розовымъ язычкомъ...

Но когда ребенку уже четвертый годъ, а онъ торчитъ въ той же колыбелькѣ, когда онъ четвертый годъ сосетъ свою всунутую съ

самаго начала въ ротъ ножку, превратившуюся уже въ лапу довольно порядочнаго размѣра, когда онъ четвертый годъ лепечетъ тѣ же невнятныя невразумительныя слова, вродѣ; «совнархозъ», «уѣземелькомъ», «совбуръ» и «реввоенкомъ»—такъ это уже не умилительный, ласкающій глазъ младенецъ, а, простите меня, довольно порядочный дѣтина, впавшій въ тихій идіотизмъ.

Очень часто впрочемъ, этотъ тихій идіотизмъ переходитъ въ буйный, и тогда съ дѣтиной никакого сладу нѣтъ!

Не смѣшно, а трогательно, когда крохотный младенчикъ протягиваетъ къ огню розовые пальчики, похожіе на бутылочки, и лепечетъ непослушнымъ языкомъ:

— Жижа, жижа!.. Дядя, дай жижу...

Но когда въ темномъ переулкѣ встрѣчается лохматый парень съ лицомъ убійцы и, протягивая корявую лапу, бормочетъ: «А ну, дай, дядя, жижи, прикурить цыгарки или скидывай пальто»—простите меня, но умиляться при видѣ этого младенца я не могу!

Не будемъ обманывать и себя и другихъ; революція уже кончилась и кончилась она давно!

Начало ея — это свѣтлое, очищающее пламя, средина — зловонный дымъ и копоть, конецъ—холодныя обгорѣлыя головешки.

Развѣ мы сейчасъ не бродимъ среди давно-потухшихъ головешекъ,—безъ крова и пищи, съ глухой досадой и пустотой въ душѣ.

Нужна была Россіи революція?

Конечно нужна.

Что такое революція? Это—переворотъ и избавленіе.

Но когда избавитель перевернуть—перевернулъ, избавить—избавилъ, а потомъ и самъ такъ плотно усѣлся на вашъ загорбокъ, что снова и еще хуже задыхаетесь вы въ предсмертной тоскѣ и судорогѣ голода и собачьяго существованія, когда и конца-краю не видно этому сидѣнью на вашемъ загорбкѣ, то тогда чортъ съ нимъ и съ избавителемъ этимъ! Я самъ, да, думаю, и вы тоже, если вы не дураки — готовы воткнуть ему не только дюжину, а даже цѣлый гроссъ «ножей въ спину».

Правда, сейчасъ еще есть много людей, которые, подобно плохо выученнымъ попугаямъ, бормочутъ только одну фразу:

— Товарищи, защищайте революцію!

Позвольте, да вы вѣдь сами раньше говорили, что революція это молнія, это громъ стихійнаго Божьяго гнѣва... Какъ же можно защищать молнію?

Представьте себѣ человѣка, который стоялъ бы посреди омраченнаго громовыми тучами поля и, растопыривъ руки, вопилъ бы:

— Товарищи! Защищайте молнію! Не допускайте, чтобы молнія погасла отъ рукъ буржуевъ и контръ-революціонеровъ!!

Вотъ что говоритъ мой собратъ по перу, знаменитый русскій поэтъ и гражданинъ К. Бальмонтъ, мужественно боровшійся въ прежнее время, какъ и я, противъ уродливостей минувшаго царизма.

Вотъ его буквальныя слова о сущности революціи и защитѣ ея:

«Революція хороша, когда она сбрасываетъ гнетъ. Но не революціями, а эволюціей живъ міръ. Стройность, порядокъ—вотъ что нужно намъ, какъ дыханіе, какъ пища. Внутренняя и внѣшняя дисциплина и сознаніе, что единственное понятіе, которое сейчасъ нужно защищать всѣми силами, это понятіе Родины, которая выше всякихъ личностей и классовъ и всякихъ отдѣльныхъ задачъ,—понятіе настолько высокое и всеобъемлющее, что въ немъ тонетъ все, и нѣтъ разнствующихъ въ немъ, а только сочувствующіе и слитно работающіе—купецъ и крестьянинъ, рабочій и поэтъ, солдатъ и генералъ».

«Когда революція переходитъ въ сатанинскій вихрь разрушенія— тогда правда становится безгласной или превращается въ ложь. Толпами овладѣваетъ стихійное безуміе, подражательное сумасшествіе, всѣ слова утрачиваютъ свое содержаніе и свою убѣдительность. Если такая бѣда овладѣваетъ народомъ, онъ неизбѣжно возвращается къ притчѣ о бѣсахъ, вошедшихъ въ стадо свиней»...

«Революція есть гроза. Гроза кончается быстро и освѣжаетъ воздухъ и ярче тогда жизнь, красивѣе цвѣтутъ цвѣты. *Но жизни нѣтъ тамъ, гдѣ грозы происходятъ безпрерывно*. А кто умышленно хочетъ длить грозу, тотъ явный врагъ строительства и благой жизни. И выраженіе «защищать революцію», долженъ сказать, мнѣ кажется безсмысленнымъ и жалкимъ. Настоящая гроза не нуждается

въ защитѣ и подпоркахъ. Ужъ какая же это гроза, если ее, какъ старушку, нужно закутывать въ ватное одѣяло».

Вотъ какъ говоритъ К. Бальмонтъ... И въ одномъ только онъ ошибается—сравнивая нашу «выросшую изъ пеленокъ» революцію съ безпомощной старушкой, которую нужно кутать въ ватное одѣяло.

Не старушка это,—хорошо бы, коли старушка,—а полупьяный дѣтина съ большой дороги, и не вы его будете кутать, а онъ самъ себя закутаетъ вашимъ же, стащеннымъ съ вашихъ плечъ, пальто.

Да еще и ножикомъ ткнетъ въ бокъ.

Такъ такого-то грабителя и раззорителя беречь? Защищать?

Да ему не дюжину ножей въ спину, а сотню,—въ дикообраза его превратить, чтобы этотъ пьяный, лѣнивый сутенеръ, вцѣпившійся въ нашъ загорбокъ, не мѣшалъ намъ строить Новую Великую Свободную Россію!

Правильно я говорю, друзья-читатели? А?

И если каждый изъ васъ не безтолковый дуракъ, или не мошенникъ, которому выгодна вся эта разруха, вся эта «защита революціи»,—то всякъ изъ васъ отдѣльно и всѣ вмѣстѣ должны мнѣ грянуть въ отвѣтъ:

— Правильно!!!

Аркадій Аверченко.

ФОКУСЪ ВЕЛИКАГО КИНО

Отдохнемъ отъ жизни.

Помечтаемъ. Хотите?

Садитесь, пожалуйста, въ это мягкое кожанное кресло, въ которомъ тонешь чуть не съ головой. Я подброшу въ каминъ угля, а вы закурите эту сигару. Недурной «Боливаръ», неправда-ли? Я люблю когда въ полумракѣ кабинета, какъ тигровый глазъ свѣтится огонекъ сигары. Ну, наполнимъ еше разъ наши рюмки темно-золотистымъ хересомъ—на бутылочкѣ-то пыли сколько наросло—вѣковая пыль, благородная,—а теперь слушайте...

* * *

Однажды въ кинематографѣ я видѣлъ удивительную картину: Море. Берегъ. Высокая этакая отвѣсная скала, саженей въ десять. Вдругъ у скалы закипѣла вода, вынырнула человѣческая голова, и вотъ человѣкъ, какъ гигантскій, оттолкнувшійся отъ земли мячъ, взлетѣлъ на десять саженей кверху, сталъ на площадку скалы—совершенно сухой и сотворилъ крестное знаменіе такъ: сначала пальцы его коснулись лѣваго плеча, потомъ праваго, потомъ груди и, наконецъ, лба.

Онъ быстро одѣлся и пошелъ прочь отъ моря, задомъ напередъ, пятясь какъ ракъ. Взмахнулъ рукой, и окурокъ папиросы, валявшійся на дорогѣ, подскочилъ и влѣзъ ему въ пальцы. Человѣкъ сталъ курить, втягивая въ себя дымъ, рождающійся въ воздухѣ. По мѣрѣ куренія, папироса дѣлалась все больше и больше и, наконецъ, стала совсѣмъ свѣжей, только что закуренной. Человѣкъ приложилъ къ ней спичку, вскочившую ему въ руку съ земли, вынулъ коробку спичекъ, чиркнулъ загорѣвшуюся спичку о коробку, отчего спичка погасла, вложилъ спичку въ коробочку; папиросу, торчащую во рту, сунулъ обратно въ портсигаръ, нагнулся—и плевокъ съ земли вскочилъ ему прямо въ ротъ. И пошелъ онъ дальше также задомъ напередъ,пятясь, какъ ракъ. Дома сѣлъ передъ пустой тарелкой и стаканомъ, вылилъ изо рта въ стаканъ нѣсколько глотковъ краснаго вина и принялся вилкой таскать изо рта куски цыпленка, кладя ихъ обратно на тарелку, гдѣ они подъ ножемъ срастались въ одно цѣлое. Когда цыпленокъ вышелъ цѣликомъ изъ его горла, подошелъ лакей и, взявъ тарелку, понесъ этого цыпленка на кухню—жарить... Поваръ положилъ его на сковородку, потомъ снялъ, сырого, утыкалъ перьями, поводилъ ножомъ по его горлу, отчего цыпленокъ ожилъ и потомъ весело побѣжалъ по двору.

* * *

Неправда-ли, вамъ понятно въ чемъ тутъ дѣло: это обыкновенная фильма, изображающая обыкновенные человѣческіе поступки, но пущенные въ обратную сторону.

Ахъ, если бы наша жизнь была похожа на послушную кинематографическую ленту!...

Повернулъ ручку назадъ—и пошло—поѣхало...

Передо мной — бумага, покрытая ровными строками этого фельетона. Вдругъ—перо пошло въ обратную сторону—будто соскабливая написанное, и когда передо мной—чистая бумага, я беру шляпу, палку и, пятясь, выхожу на улицу...

Шуршитъ лента, разматываясь въ обратную сторону.

Вотъ сентябрь позапрошлаго года. Я сажусь въ вагонъ, поѣздъ даетъ задній ходъ и мчится въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ чудеса: съ Невскаго уходятъ забирая свои товары—селедочницы, огуречницы, яблочницы и невоюющіе солдаты, торгующіе папиросами.... Большевистскіе декреты, какъ шелуха, облетаютъ со стѣнъ, и снова стѣны домовъ чисты и нарядны. Вотъ во весь опоръ примчался на автомобилѣ заднимъ ходомъ Александръ Федоровичъ Керенскій. Вернулся?!

Крути, Митька живѣй!

Въѣхалъ онъ въ Зимній Дворецъ, а тамъ, глядишь, все новое и новое мельканіе ленты: Ленинъ и Троцкій съ компаніей вышли, пятясь, изъ особняка Кшесинской, поѣхали задомъ напередъ на вокзалъ, сѣли въ распломбированный вагонъ, тутъ же его запломбировали и—укатила вся компанія заднимъ ходомъ въ Германію.

А вотъ совсѣмъ пріятное зрѣлище: Керенскій задомъ напередъ вылетаетъ изъ Зимняго Дворца—давно пора,—вскакиваетъ на столъ и напыщенно говоритъ рабочимъ; «Товарищи! Если я васъ покину— вы можете убить меня своими руками! До самой смерти я съ вами».

Совралъ, каналья. Какъ иногда полезно пустить ленту въ обратную сторону!

Быстро промелькнула февральская революція. Забавно видѣть, какъ пулеметныя пули вылетали изъ тѣлъ лежащихъ людей, какъ влетали онѣ обратно въ дуло пулеметовъ, какъ вскакивали мертвые и бѣжали задомъ напередъ, размахивая руками.

Крути, Митька, крути!

Вылетѣлъ изъ царскаго дворца Распутинъ и покатилъ къ себѣ въ Тюмень. Лента-то вѣдь обратная.

Жизнь все дешевле и дешевле... На рынкахъ масса хлѣба, мяса и всякаго съѣстного дрязгу.

А вотъ и ужасная война таетъ, какъ кусокъ снѣга на раскаленной плитѣ; мертвые встаютъ изъ земли и мирно уносятся на носилкахъ обратно въ свои части. Мобилизація быстро превращается въ демобилизацію, и вотъ уже Вильгельмъ Гогенцоллернъ стоитъ на балконѣ передъ своимъ народомъ, но его ужасныя слова, слова паука-кровопійцы объ объявленіи войны, не

вылетаютъ изъ устъ, а наоборотъ, глотаетъ онъ ихъ, ловя губами въ воздухѣ. Ахъ, чтобъ ты ими подавился!...

Митька, крути, крути, голубчикъ!

Быстро мелькаютъ поочередно четвертая дума, третья, вторая, первая, и вотъ уже на экранѣ четко вырисовываются жуткія подробности октябрьскихъ поргомовъ.

Но, однако, тутъ это не страшно. Громилы выдергиваютъ свои ножи изъ груди убитыхъ, тѣ шевелятся, встаютъ и убѣгаютъ, летающій въ воздухѣ пухъ аккуратно самъ слетается въ еврейскія перины, и все принимаетъ прежній видъ.

А что это за ликующая толпа, что за тысячи шапокъ, летящихъ кверху, что это за счастливыя лица, по которымъ текутъ слезы умиленія?!..

Почему незнакомые люди цѣлуются, чортъ возьми!

Ахъ, это манифестъ 17 октября, данный Николаемъ II свободной Россіи...

Да вѣдь это, кажется, былъ самый счастливый моментъ во всей нашей жизни!

Митька! замри!! Останови, чортъ, ленту, не крути дальше! Руки поломаю!...

Пусть замретъ. Пусть застынетъ.

— Газетчикъ! Сколько за газету? Пятачекъ?

— Извозчикъ! Полтинникъ на Конюшенную, къ «Медвѣдю». Пошелъ живѣй, гривенникъ прибавлю. Здравствуйте! Дайте обѣдъ, рюмку коньяку и бутылку шампанскаго. Ну, какъ не выпить на радостяхъ... Съ манифестомъ васъ! Сколько съ меня за все? Четырнадцать съ полтиной? А почему это у васъ шампанское десять цѣлковыхъ за бутылку, когда въ «Вѣнѣ»—восемь? Развѣ можно такъ безсовѣстно грабить публику?

Митька, не крути дальше! Замри. Хотя бы потому остановись, что мы себя видимъ на пятнадцать лѣтъ моложе, почти юношами. Ахъ, сколько было надеждъ, и какъ мы любили, и какъ насъ любили. . . . . .

. . . . . .

Отчего же вы не пьете вашъ хересъ! Каминъ погасъ, и я не вижу въ сѣрой мглѣ—почему такъ странно трясутся ваши плечи: смѣетесь вы или плачете?

ПОЭМА О ГОЛОДНОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ

Сейчасъ въ первый разъ я горько пожалѣлъ; почему мама въ свое время не отдала меня въ композиторы.

То, о чемъ я хочу сейчасъ написать ужасно трудно выразить въ словахъ... Такъ и подмываетъ сѣсть за рояль, съ трескомъ опустить руки на клавиши — и все, все какъ есть, перелить въ причудливую вереницу звуковъ, грозныхъ, тоскующихъ, жалобныхъ, тихо-стонущихъ и бурно-проклинающихъ.

Но нѣмы и безсильны мои негибкіе пальцы, но долго еще будетъ молчать хладнокровный, неразбуженный рояль, и закрытъ для меня пышный входъ въ красочный міръ звуковъ...

И приходится писать мнѣ элегіи и ноктюрны привычной рукой— не на пяти, а на одной линейкѣ,—быстро и привычно вытягивая строку за строкой, перелистывая страницу за страницей. О, бога-

тыя возможности, дивныя достиженія таятся въ словѣ, но не тогда, когда душа морщится отъ реальнаго прозаическаго трезваго слова, когда душа требуетъ звука, бурнаго, бѣшеннаго движенія обезумѣвшей руки по клавишамъ..

Вотъ моя симфонія—слабая, блѣдная въ словѣ...

* * *

Когда тусклыя сѣро-розовыя сумерки спустятся надъ слабымъ, голоднымъ, устало смежившимъ свои померкшія, свои сверкавшія прежде очи—Петербургомъ, когда одичавшее населеніе расползается по угрюмымъ берлогамъ коротать еще одну изъ тысячи и одной голодной ночи, когда все стихнетъ, кромѣ коммиссарскихъ автомобилей, бодро шныряющихъ, проворно, какъ острое шило, вонзающихся въ темныя безглазыя русла улицъ—тогда въ одной изъ квартиръ Литейнаго проспекта собираются нѣсколько сѣрыхъ безшумныхъ фигуръ и, пожавъ другъ другу дрожащія руки усаживаются вокругъ стола пустого, освѣщеннаго гнуснымъ воровскимъ свѣтомъ сальнаго огарка.

Нѣкоторое время молчатъ, задыхающіеся, усталые отъ цѣлаго ряда гигантскихъ усилій: надо было подняться по лѣстницѣ на второй этажъ, пожать другъ другу руки и придвинуть къ столу стулъ—это такой нестерпимый трудъ!..

Изъ разбитаго окна дуетъ... но заткнуть зіяющее отверстіе подушкой ужъ никто не можетъ—предыдущая физическая работа истощила организмъ на цѣлый часъ.

Можно только сидѣть вокругъ стола оплывшей свѣчи и журчать тихимъ, тихимъ шопотомъ...

Переглянулись.

— Начнемъ, что-ли? Сегодня чья очередь?

— Моя.

— Ничего подобнаго. Ваша позавчера была. Еще вы разсказывали о макаронахъ съ рубленной говядиной.

— О макаронахъ Илья Петровичъ разсказывалъ. Мой докладъ былъ о понированной телячьей котлетѣ съ цвѣтной капустой. Въ пятницу.

— Тогда ваша очередь. Начинайте. Вниманіе господа!

Сѣрая фигура наклонилась надъ столомъ еще ниже, отчего черная огромная тѣнь на стѣнѣ переломилась и заколебалась. Языкъ быстро, привычно пробѣжалъ по запекшимся губамъ, и тихій хриплый голосъ нарушилъ могильное молчаніе комнаты.

— Пять лѣтъ тому назадъ—какъ сейчасъ помню—заказалъ я у «Альбера» навагу фритъ и бифштексъ по гамбургски. Наваги было 4 штуки,—крупная, зажаренная въ сухарикахъ, на маслѣ, господа! Понимаете, на сливочномъ маслѣ, господа. На маслѣ! Съ одной стороны лежалъ пышный ворохъ поджаренной на фритюрѣ петрушки, съ другой—половина лимона. Знаете, этакій лимонъ ярко-желтаго цвѣта и въ разрѣзѣ посвѣтлѣе, кисленькій такой разрѣзъ... Только взять его въ руку и подавить надъ рыбиной... Но я дѣлалъ такъ; сначала бралъ вилку, кусочекъ хлѣбца (былъ черный, былъ бѣлый, честное слово) и ловко отдѣлялъ мясистые бока наваги отъ косточки...

— У наваги только одна косточка, посрединѣ, трехугольная,— перебилъ, еле дыша, сосѣдъ.

— Тсс! Не мѣшайте. Ну, ну?

— Отдѣливъ куски наваги, причемъ, знаете-ли, кожица была поджарена хрупкая этакая и вся въ сухаряхъ, въ сухаряхъ—я наливалъ рюмку водки и только тогда выдавливалъ тонкую струю лимоннаго сока на кусокъ рыбы... И я сверху прикладывалъ не много петрушки—о, для аромата только, исключительно для аромата—выпивалъ рюмку и сразу кусокъ этой рыбки—гамъ! А булка то знаете, мягкая французская этакая, и ѣшь ее, ѣшь, пышную съ этой рыбкой. А четвертую рыбку я даже не доѣлъ, хе-хе!

— Не доѣли?!!

— Не смотрите на меня такъ, господа. Вѣдь впереди еще былъ бифштексъ по гамбургски—не забывайте этого. Знаете, что такое —по гамбургски?

— Это не яичница-ли сверху положена?

— Именно!! Изъ одного яйца. Просто такъ для вкуса. Бифштексъ былъ рыхлый, сочный, но вмѣстѣ съ тѣмъ упругій и съ одного боку побольше поджареный, а съ другого—поменьше. Помните конечно, какъ пахло жареное мясо, вырѣзка—помните? А подлив-

ни было много, очень много, густая такая, и я любилъ, отломивъ корочку бѣлаго хлѣба, обмакнуть ее въ подливочку и съ кусочкомъ нѣжнаго мясца—гамъ!

— Неужели, жаренаго картофеля не было?—простоналъ кто-то, схватясь за голову, на дальнемъ концѣ стола.

— Въ томъ то и дѣло, что былъ! Но мы, конечно, еще не дошли до картофеля. Былъ также настругапный хрѣнъ, были капорцы—остренькіе, остренькіе, а съ другого конца чуть не половину соусника занималъ нарѣзанный этакими ромбиками жареный картофель. И чертъ его знаетъ, почему онъ такъ пропитывается этой говяжьей подливкой. Съ одного бока кусочки пропитаны, а съ другого совершенно сухіе и даже похрустываетъ на зубахъ. Отрѣжешь бывало кусочекъ мясца, обмакнешь хлѣбъ въ подливку, да зацѣпивъ все это вилкой, вкупѣ съ кусочкомъ яичницы, картошечкой и кружочкомъ малосольнаго огурца...

Сосѣдъ издалъ полузаглушенный ревъ, вскочилъ, схватилъ разсказчика за шиворотъ и, тряся его слабыми руками, закричалъ:

— Пива! Неужели, ты не запивалъ этого бифштекса съ картофелемъ—крѣпкимъ пѣнистымъ пивомъ!

Вскочилъ въ экстазѣ и разсказчикъ.

— Обязательно! Большая тяжелая кружка пива, бѣлая пѣна на верху, такая густая, что на усахъ остается. Проглотишь кусочекъ бифштекса съ картофелемъ, да потомъ какъ вопьешься въ кружку...

Кто то въ углу тихо заплакалъ:

— Не пивомъ! не пивомъ нужно было запивать, а краснымъ винцомъ, подогрѣтымъ! Было тамъ такое бургундское по три съ полтиной бутылка... Нальешь въ стопочку, поглядишь на свѣтъ—рубинъ, совершенный рубинъ...

Бѣшенный ударъ кулакомъ прервалъ сразу весь этотъ плывшій надъ столомъ сладострастный шопотъ.

— Господа! Во что мы превратились—позоръ! Какъ мы низко пали! Вы! Развѣ вы мужчины? Вы сладострастные старики Карамазовы! Источая слюну, вы смакуете цѣлыми ночами то, что у васъ отняла кучка убійцъ и мерзавцевъ! У васъ отнято то, на что самый послѣдній человѣкъ имѣетъ право—право ѣды, право

набить желудокъ пищей по своему неприхотливому выбору—почему же вы терпите? Вы имѣете въ день хвостъ ржавой селедки и 2 лота хлѣба похожаго на грязь — васъ такихъ много, сотни тысячъ! Идите же всѣ, всѣ идите на улицу, высыпайте голодными отчаянными толпами, ползите, какъ милліоны саранчи, которая поѣздъ останавливаетъ своимъ количествомъ, идите, навалитесь на эту кучку творцовъ голода и смерти, перегрызите имъ горло, затопчите ихъ въ землю и у васъ будетъ хлѣбъ, мясо и жареный кортофель!!

— Да! Поджареный въ маслѣ! Пахнущій! Ура! Пойдемъ! Затопчемъ! Перегрызем горло! Насъ много! Ха-ха-ха! Я поймаю Троцкаго, повалю его на землю и проткну пальцемъ глазъ! Я буду моими истоптанными каблуками ходить по его лицу! Ножичкомъ отрѣжу ему ухо и засуну ему въ ротъ—пусть ѣстъ!!

— Бѣжимъ же господа. Всѣ на улицу, всѣ голодные!

При свѣтѣ подлаго сальнаго огарка глаза въ черныхъ впадинахъ сверкали, какъ уголья... Раздался стукъ отодвигаемыхъ стульевъ и топотъ ногъ по комнатѣ.

И всѣ побѣжали... Бѣжали они очень долго и пробѣжали очень много; самый быстрый и сильный добѣжалъ до передней, другіе свалились—кто на порогѣ гостинной, кто у стола столовой.

Десятки верстъ пробѣжали они своими окостенѣвшими, негнущимися ногами... Лежали, обезсиленные, съ полузакрытыми глазами, кто въ передней, кто въ столовой—они сдѣлали, что могли, они вѣдь хотѣли.

Но гигантское усиліе истощилось, и тутъ же всѣ погасли, какъ растащенный по полѣньямъ сырой костеръ.

А разсказчикъ, лежа около сосѣда, подползъ къ его уху и шепнулъ

— А знаешь, если бы Троцкій далъ мнѣ кусочекъ жаренаго поросенка съ кашей—такой, знаешь, маленькій кусочекъ—я бы не отрѣзывалъ Троцкому уха, не топталъ бы его ногами! Я бы простилъ ему...

— Нѣтъ,—шепнулъ сосѣдъ,—не поросенокъ, а знаешь что?... Кусочекъ пулярдки, такой, чтобы бѣлое мясо легко отдѣлялось отъ нѣжной косточки.. И къ ней вареный рисъ съ бѣлымъ кисленькимъ соусомъ...

Другіе лежащіе, услышавъ шопотъ этотъ, поднимали жадныя головы и постепенно сползались въ кучу, какъ змѣи отъ звуковъ тростниковой дудки...

Жадно слушали.

* * *

Тысяча первая голодная ночь уходила... Ковыляя, шествовало на смѣну тысяча первое голодное утро.

ТРАВА, ПРИМЯТАЯ САПОГОМЪ

— Какъ ты думаешь, сколько мнѣ лѣтъ?—спросила небольшая дѣвочка, перепрыгивая съ одной ноги на другую, потряхивая темными кудрями и поглядывая на меня съ боку большимъ сѣрымъ глазомъ...

— Тебѣ-то? А такъ я думаю, что тебѣ лѣтъ пятьдесятъ.

— Нѣтъ, серьезно. Ну, пожалуйста, скажи.

— Тебѣ то? Лѣтъ восемь, что ли?

— Что ты! Гораздо больше: восемь съ половиной.

— Ну?! Порядочно. Какъ говорится: старость не радость. Небось, и женишка уже припасла?

— Куда тамъ! (глубокая поперечная морщина сразу выползла откуда то на ея безмятежный лобъ). Развѣ теперь можно обзаводится семьей? Все такъ дорого.

— Господи, Боже ты мой, какіе солидные разговоры пошли!.. Какъ здоровье твоей многоуважаемой куклы?

— Покашливаетъ. Я вчера съ ней долго сидѣла у рѣки. Кстати, хочешь, на рѣчку пойдемъ, посидимъ. Тамъ хорошо: птички поютъ. Я вчера очень комичную козявку поймала.

— Поцѣлуй ее отъ меня въ лапку. Но какъ же мы пойдемъ на рѣку: вѣдь въ той сторонѣ, за рѣкой стрѣляютъ.

— Неужели ты боишься? Вотъ еще глупый. Вѣдь снаряды не долетаютъ сюда, это вѣдь далеко. А я тебѣ зато разскажу стихъ. Пойдемъ?

— Ну, разъ стихъ—это дѣло десятое. Тогда не лѣнь и пойти.

По дорогѣ, ведя меня за руку, она сообщила:

— Знаешь, меня ночью комаръ какъ укуситъ, за ногу.

— Слушаю-съ. Если я его встрѣчу, я ему дамъ по мордѣ.

— Знаешь, ты ужасно комичный.

— Еще бы. На томъ стоимъ.

На берегу рѣки мы преуютно усѣлись на камушкѣ подъ развѣсистымъ деревцомъ. Она прижалась къ моему плечу прислушалась къ отдаленнымъ выстрѣламъ, и снова та же морщинка озабоченности и вопроса, какъ гнусный червякъ, всползла на чистый лобъ.

Она потерлась порозовѣвшей отъ ходьбы щечкой о шершавую матерію моего пиджака и, глядя остановившимися глазами на невозмутимую гладь рѣки, спросила:

— Скажи, неужели Ватиканъ никакъ не реагируетъ на эксцессы большевиковъ?..

Я испуганно отодвинулся отъ нея и поглядѣлъ на этотъ розовый ротикъ съ будто чуть-чуть припухшей верхней губкой, посмотрѣлъ на этотъ ротикъ, откуда только что спокойно вылетѣла эта чудовищная по своей дѣловитости фраза, и переспросилъ:

— Чего, чего?

Она повторила.

Я тихо обнялъ ее за плечи, поцѣловалъ въ голову и прошепталъ на ухо:

— Не надо, голубчикъ, объ этомъ говорить, хорошо? Скажи лучше стихи, что обѣщала.

— Ахъ, стихи! Я и забыла. О Максѣ:

Максикъ вѣчно ноетъ,
Максикъ рукъ не моетъ,
У грязнухи Макса
Руки, точно вакса.
Волосы, какъ швабра,
Чешетъ ихъ не храбро...—

— Правда, комичные стишки? Я ихъ въ старомъ «Задушевномъ Словѣ» прочитала.

— Здорово сработано. Ты ихъ мамѣ-то читала?

— Ну, знаешь, мамѣ не до того. Прихварываетъ все.

— Что же съ ней такое?

— Малокровіе. Ты знаешь, она цѣлый годъ при большевикахъ въ Петербургѣ прожила. Вотъ и получила. Жировъ не было, потомъ эти... азотистыя вещества тоже въ организмъ не... этого... не входили. Ну, однимъ словомъ—коммунистическій рай.

— Бѣдный ты ребенокъ,—уныло прошепталъ я, приглаживая ей волосы.

— Еще-бы же не бѣдный. Когда бѣжали изъ Петербурга, я въ вагонѣ кроватку куклиную потеряла, да медвѣдь пищать пересталъ. Не знаешь, отчего это онъ могъ перестать пищать?

— Очевидно, азотистыхъ веществъ ему не хватило. Или просто саботажъ.

— Ну, ты прямо таки, прекомичный! На мою резиновую собачку похожъ. А ты можешь нижней губой до носа достать?

— Гдѣ тамъ! Всю жизнь мечталъ объ этомъ—не удается.

— А знаешь, у меня одна знакомая дѣвочка достаетъ; очень комично.

Съ противоположнаго берега дунуло вѣтеркомъ, и стрѣльба сразу сдѣлалась слышнѣй.

— Вишь ты, какъ пулеметы работаютъ,—сказалъ я прислушиваясь.

— Что ты, братецъ—какой же это пулеметъ? Пулеметъ чаще тарахтитъ. Знаешь, совсѣмъ какъ швейная машина щелкаетъ. А это просто пачками стѣляютъ. Вишь ты: очередями жарятъ.

Ба-бахъ!

— Ого, вздрогнулъ я,—шрапнелью ахнули.

Ея сѣрый лукавый глазъ глянулъ на меня съ откровеннымъ сожалѣніемъ;

— Знаешь, если ты не понимаешь—такъ ужъ молчи. Какая же это шрапнель? Обыкновенную трехдюймовку со шрапнелью спуталъ. Ты знаешь, между прочимъ, шрапнель, когда летитъ, такъ какъ-то особенно шуршитъ. А бризантный снарядъ воетъ, какъ собака. Очень комичный.

— Послушай, клопъ,—воскликнулъ я, съ суевѣрнымъ страхомъ оглядывая ея розовыя пухлыя щечки, вздернутый носикъ и крохотныя рученки, которыми она въ этотъ моментъ заботли-

во подтягивала спустившіеся къ башмачкамъ носочки.—Откуда ты все это знаешь?!

— Вотъ комичный вопросъ, ей Богу! Поживи съ мое не то еще узнаешь.

А когда мы возвращались домой, она, забывъ уже о «реагированіи Ватикана» и «бризантныхъ снарядахъ», щебетала, какъ воробей, задравъ кверху задорный носикъ:

— Ты знаешь, какого мнѣ достань котеночка? Чтобъ у него былъ розовенькій носикъ и черные глазки. Я ему голубенькую ленточку съ малюсенькимъ такимъ золотымъ бубенчикомъ привяжу, у меня есть. Я люблю маленькихъ котенковъ. Что же я дура! Я и забыла, что мой бубенчикъ былъ съ маминымъ золотомъ въ сейфѣ, и коммунисты его по мандату комфина реквизировали!

* * *

По зеленой молодой травкѣ ходятъ хамы въ огромныхъ тяжелыхъ сапожищахъ, подбитыхъ гвоздями.

Пройдутъ по ней, примнутъ ее.

Прошли—полежалъ, полежалъ примятый, полураздавленный стебелекъ, пригрѣлъ его лучъ солнца и опять онъ приподнялся и подъ теплымъ дыханіемъ дружескаго вѣтерка шелеститъ о своемъ, о маломъ, о вѣчномъ.

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

I.

— Усаживайся, не бойся. Тутъ очень весело.

— Чѣмъ же весело?

— Ощущеніе веселое.

— Да чѣмъ же веселое?

— А вотъ какъ закрутится колесо, да какъ дернетъ тебя съ колеса, да какъ швырнетъ о барьеръ, такъ глаза въ лобъ выскочутъ! Очень смѣшно.

Это—разговоръ на «чортовомъ колесѣ»...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ компанія ловкихъ предпринимателей устроила въ Петербургѣ «Луна-Паркъ».

Я любилъ хаживать туда по причинѣ нѣсколько пикантной; въ «Луна-Паркѣ» я находилъ для своей коллекціи дураковъ такіе чудесные махровые экземпляры и въ такомъ изобиліи, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Вообще, «Луна-Паркъ»—это рай для дураковъ: все сдѣлано для того, чтобы дураку было весело...

Подойдетъ онъ къ выпуклому зеркалу, увидитъ трехаршинные ноги, будто выходящія прямо изъ груди, увидитъ вытянутое въ аршинъ лицо— и засмѣется дуракъ, какъ ребенокъ: сядетъ въ «веселую бочку», да какъ столкнутъ его внизъ, да какъ почнетъ бочка стукаться боками о вертикально воткнутыя по дорогѣ

бревна, да какъ станетъ дурака трясти, какъ дробинку въ дѣтской погремушкѣ, круша ребра и ушибая ноги—тутъ то и пойметъ дуракъ, что есть еще беззаботное веселье на свѣтѣ; и къ «Веселой кухнѣ» подойдетъ дуракъ и тутъ онъ увидитъ, что это настоящая его, дуракова, тихая пристань. Впрочемъ, она не особенно тихая, эта пристань. Потому что «Веселая кухня» заключалась въ томъ, что на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ отъ барьера на полкахъ были разставлены бракованныя тарелки, блюда, бутылки и стаканы, въ которые дуракъ имѣетъ право метать деревянными шарами, купивъ это завидное право и привиллегію за рубль серебра. И прибыли-то дураку никакой не было—ни приза за разбитіе тарелокъ ему не давали, ни одобренія зрителей онъ не получалъ, потому что раскокать блюдо на трехаршинномъ разстояніи было легче легкаго — а вотъ поди жъ ты — излюбленное это было дурацкое удовольствіе — сокрушать десятки тарелокъ и бутылокъ... А изъ «Веселой Кухни», разгорячивъ свою пылкую кровь—направлялся дуракъ для охлажденія прямехонько въ «Таинственный Замокъ»... Это было помѣщеніе, входя въ которое, вы должны были приготовиться ко всему: бредете ли вы по абсолютно темнымъ узкимъ корридорамъ, а вамъ тутъ и привиденія натертыя фосфоромъ, являются, и заушаетъ васъ невидимая рука, и скатываетесь вы по какой то трубѣ внизъ на какіе то мягкіе мѣшки, а главное, когда вы, радостный, выходите, наконецъ, въ залитый свѣтомъ воздушный мостикъ, открытый глазамъ толпящейся внизу публики—снизу дунетъ на васъ такимъ ураганнымъ вѣтромъ, что если вы мужчина пальто ваше взвивается выше къ головѣ, какъ два крыла, шляпа бѣшенно взлетаетъ къ верху, а если вы дама, то вся гривуазно настроенная публика ознакомится не только съ цвѣтомъ вашихъ подвязокъ, но и со многимъ другимъ, чему мѣсто не въ политическомъ фельетонѣ, а на самой лучшей, крѣпкой круто замѣшенной эротической страницѣ спеціалиста по этимъ дѣламъ Михайлы Арцыбашева.

Вотъ что такое «Луна-Паркъ»—рай для дураковъ, адъ для средняго, случайно забредшаго туда человѣка, и — широкое необозримое поле научныхъ наблюденій для вдумчиваго человѣка, изу-

чающаго русскаго дурака въ его нормальной, привычной и самой удобной обстановкѣ.

II.

Приглядываюсь я къ русской революціи, приглядываюсь и—ой какъ много разительно схожаго въ ней съ «Луна-Паркомъ»—даже жутко отъ цѣлаго ряда поразительно точныхъ аналогій...

Все новое, революціонное, по большевистски радикальное строительство жизни, все разрушеніе стараго, якобы отжившаго—вѣдь это же «Веселая Кухня»! Вотъ тебѣ на полкахъ разставленъ старый судъ, старые финансы, церковь, искусство, пресса, театръ, народное просвѣщеніе—какая пышная выставка!

И вотъ подходитъ къ барьеру дуракъ, выбираетъ изъ корзины въ лѣвую руку побольше деревянныхъ шаровъ, беретъ въ правую одинъ шаръ, вотъ размахнулся—трахъ! Вдребезги правосудіе. Трахъ!—въ кусочки финансы. Бацъ!—и уже нѣтъ искусства, и только остается на мѣстѣ какой-то жалкій покосившійся пролеткультскій огрызокъ.

А дуракъ уже разгорячился, уже пришелъ въ азартъ—благо шаровъ въ рукахъ много—и вотъ летитъ съ полки разбитая церковь, трещитъ народное просвѣщеніе, гудитъ и стонетъ торговля. Любо дураку, а кругомъ собрались, столпились посторонніе зрители—французы, англичане, нѣмцы и только знай посмѣиваются надъ веселымъ дуракомъ, а нѣмецъ еще и подзуживаетъ;

— Ай, ловкій! Ну, и голова же! А ну, шваркни еще по университету. А долбани-ка въ промышленность!...

Горячъ русскій дуракъ—охъ, какъ горячъ... Что толку съ того, что потомъ когда очухается онъ отъ веселаго азарта, долго и тупо будетъ плакать свинцовыми слезами и надъ разбитой церковью, и надъ сокрушенными вдребезги финансами, и надъ мертвой уже наукой, за то теперь всѣ смотрятъ на дурака! За то теперь онъ центръ веселаго вниманія этотъ самый дуракъ, котораго прежде и не замѣчалъ никто.

III.

А кто это тамъ поѣхалъ внизъ въ «Веселой Бочкѣ», стукаясь боками о сотни торчащихъ тумбъ, теряя шляпу, круша ребра и ломая колѣнныя чашечки? Ба! Это русскій человѣкъ съ семьей путешествуетъ въ наше веселое революціонное время изъ Чернигова въ Воронежъ. Бацъ о тумбу—изъ вагона ребенокъ вылетѣлъ, бацъ о другую—самаго петлюровцы выбросили, трахъ о третью—махновцы чемоданъ отняли.

А это кто стоитъ передъ кривымъ зеркаломъ и корчится не то отъ смѣха, не то отъ слезъ, самъ себя не узнавая... А это, видите, довѣрчивый человѣкъ подошелъ къ непримиримой чужепартійной газетѣ и она его «отразила».

А этотъ «Таинственный Замокъ»—гдѣ васъ ведутъ по темнымъ, какъ ночь, извилинамъ, гдѣ пугаютъ васъ, толкаютъ, калѣчутъ и кажутъ вамъ разныхъ леденящихъ душу своимъ видомъ чудищъ—не чрезвычайка ли это—самое яркое порожденіе Третьяго Интернаціонала—потому что всѣ интернаціонально сгруппировались тамъ: и латыши, и русскіе, и евреи, и китайцы—палачи всѣхъ странъ соединяйтесь!..

IV.

Но самое замѣчательное, самое одуряющее схожее—это «Чертово Колесо»!

Вотъ вамъ февральская революція—начало ея, когда колесо еще не закрутилось... Посрединѣ его, въ самомъ центрѣ стоитъ самый замѣчательный «дуракъ» современности—Александръ Керенскій и кричитъ онъ зычнымъ митинговымъ голосомъ:

— Пожалуйте, товарищи! Дѣлайте игру. Сейчасъ закрутимъ. Милюковъ! Садись, не бойся. Тутъ весело.

— Чѣмъ же весело?

— Ощущеніе веселое...

— А вотъ какъ закружитъ, да какъ начнетъ всѣхъ швырять къ барьеру.... Впрочемъ, ты садись въ самый центръ около меня—тогда удержишься... И ты, Гучковъ, садись—не бойся... Славно закрутимъ... Ну... всѣ сѣли? Давай ходъ! Поѣхала!

Поѣхала.

Нѣсколько оборотовъ «Чертова Колеса» — и вотъ уже ползетъ, съ выпученными глазами, тщетно стараясь удержаться за сосѣда—Павелъ Милюковъ.

Вззз!—свиститъ раскрученное колесо, быстро скользитъ по отполированной предыдущими «опытами» поверхности Милюковъ—трахъ и больно стукается о барьеръ бѣдняга, вышвырнутый изъ центра непреодолимой центробѣжной силой.

А вотъ и Гучковъ поползъ вслѣдъ за нимъ, уцѣпясь за рукавъ Скобелева... Отталкиваетъ его Скобелевъ, но—поздно... Утеряна мертвая точка, и оба разлетаются, какъ пушинки отъ урагана.

— А!—радостно кричитъ Церетелли, уцѣпясь за ногу Керенскаго.—Дэржись крѣпче, какъ я.—Самые лѣвые и самые правые летятъ, а мы—центръ удэржимся...

Куда тамъ! Уже оторвался и скользитъ Церетелли, за нимъ Чхеидзе—экъ ихъ куда выкинуло—къ самому барьеру, «на сей погибельный Кавказъ порасшвыривало».

Радостно посмѣивается Керенскій, бѣшенно вертясь въ самомъ центрѣ—кажется, и конца не будетъ этому сладостному ощущенію... Любо молодому главковерху Но вотъ у ногъ его заклубился безформенный комокъ изъ трехъ головъ и шести ногъ, называемый въ простонарѣчіи—Гоцлибердановъ—уцѣпился комокъ за Керенскаго, обвился вокругъ его ноги, жалобно закричалъ главковерхъ, сдвинулся на вершокъ влѣво—но... для чертова колеса достаточно и этого!...

Заскрипѣла полированная поверхность и летитъ начальникъ или по нынѣшнему «комиссаръ чертова колеса» вверхъ тормашками не только къ барьеру, а даже за барьеръ бѣднягу выкинуло, и грянулся онъ гдѣ то не то въ Лондонѣ, не то въ Парижѣ.

Расшвыряло; всѣхъ расшвыряло по барьеру чортово колесо, и постепенно замедляется его ходъ, и почти останавливается оно,

а тутъ уже—глядь!—налѣзла на полированный кругъ новая веселая компанія; Троцкій, Ленинъ, Нахамкисъ, Луначарскій, и кричитъ новый «комиссаръ чертова колеса»—Троцкій:

— Къ намъ, товарищи! Ближе! Тѣ дураки не удержались, но мы то удержимся! Ходу! Крути, валяй! Поѣхала!!

— Вззз!...

А мы сейчасъ стоимъ кругомъ и смотримъ: кто первый поползетъ окорачь по гладкой полированной поверхности, гдѣ не за что уцѣпиться, не на чемъ удержаться, и кого на какой барьеръ вышвырнетъ.

Ахъ, поймать-бы!

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧАГО ПАНТЕЛЕЯ ГРЫМЗИНА

Ровно десять лѣтъ тому назадъ рабочій Пантелей Грымзинъ получилъ отъ своего подлаго гнуснаго хозяина кровопійцы поденную плату за 9 часовъ работы—всего два съ полтиной!!!

— Ну, что я съ этой дрянью сдѣлаю?..—горько подумалъ Пантелей, разглядывая на ладони два серебряныхъ рубля и полтину мѣдью...—И жрать хочется, и выпить охота, и подметки къ сапогамъ нужно подбросить, старыя—одна, вишь, дыра... Эхъ ты жизнь наша распрокаторжная!!

Зашелъ къ знакомому сапожнику: тотъ содралъ полтора рубля за пару подметокъ.

— Есть ли на тебѣ крестъ то? саркастически освѣдомился Пантелей.

Крестъ, къ удивленію ограбленнаго Пантелея, оказался на своемъ мѣстѣ, подъ блузой, на волосатой груди сапожника.

— Ну, вотъ остался у меня рупь-цѣлковый,—со вздохомъ подумалъ Пантелей.—А что на него сдѣлаешь? Эхъ!...

Пошелъ и купилъ на цѣлковый этотъ полфунта ветчины, коробочку шпротъ, булку французскую, полбутылки водки, бутылку пива и десятокъ папиросъ—такъ разошелся, что отъ всѣхъ капиталовъ только четыре копѣйки и осталось.

И когда усѣлся бѣдняга Пантелей за свой убогій ужинъ—такъ ему тяжко сдѣлалось, такъ обидно, что чуть не заплакалъ.

— За что же, за что?..—шептали его дрожащія губы.

— Почему богачи и эксплоататоры пьютъ шампанское, ликеры, ѣдятъ рябчиковъ и ананасы, а я, кромѣ простой очищенной, да консервовъ, да ветчины—свѣта Божьяго не вижу... О, если бы только мы, рабочій классъ, завоевали себѣ свободу!... То тобы мы пожили по-человѣчески!...

* * *

Однажды, весной 1920 года рабочій Пантелей Грымзинъ получилъ свою поденную плату за вторникъ: всего 2700 рублей.

—Что жъ я съ ними сдѣлаю,—горько подумалъ Пантелей, шевеля на ладони разноцвѣтныя бумажки.

— И подметки къ сапогамъ нужно подбросить, и жрать, и выпить чего нибудь—смерть хочется!

Зашелъ Пантелей къ сапожнику, сторговался за двѣ тысячи триста и вышелъ на улицу съ четырьмя сиротливыми сторублевками.

Купилъ фунтъ полубѣлаго хлѣба, бутылку ситро, осталось 14 цѣлковыхъ... Прицѣпился къ десятку папиросъ, плюнулъ и отошелъ.

Дома нарѣзалъ хлѣба, откупорилъ ситро, усѣлся за столъ ужинать... и такъ горько ему сдѣлалось, что чуть не заплакалъ.

— Почему же, шептали его дрожащія губы,— почему богачамъ все, а намъ ничего... Почему богачъ ѣстъ нѣжную розовую ветчину, объѣдается шпротами и бѣлыми булками, заливаетъ себѣ горло настоящей водкой, пѣнистымъ пивомъ, куритъ папи-

росы, а я, какъ песъ какой, долженъ жевать черствый хлѣбъ и тянуть тошнотворное пойло на сахаринѣ!... Почему однимъ все, другимъ—ничего?..

* * *

Эхъ, Пантелей, Пантелей... Здороваго ты дурака свалялъ, братецъ ты мой! . . . . . .

НОВАЯ РУССКАЯ СКАЗКА

Вмѣсто предисловія.

Матери!

Вотъ уже сколько лѣтъ вы безсознательно обманываете вашихъ дѣтей, разсказывая имъ старый ложный варіантъ сказки о Красной Шапочкѣ и Сѣромъ Волкѣ.

Пора наконецъ, открыть вамъ глаза на истинное положеніе вещей, пора пролить свѣтъ истины на клеветническое измышленіе о бѣдномъ добродушномъ Сѣромъ Волкѣ!...

Вотъ какъ было дѣло:

Сказка о красной шапочкѣ, объ одномъ заграничномъ мальчикѣ и о сѣромъ волкѣ.

У одного отца было три сына: до первыхъ двухъ намъ нѣтъ дѣла, а младшій былъ дуракъ.

Состояніе его умственныхъ способностей видно изъ того, что

когда у него родилась и подросла дочь—онъ подарилъ ей красную шапочку.

Почему, именно красную?

Именно потому, что дуракъ красному радъ.

* * *

И вотъ однажды зоветъ дуракова жена дочку и говоритъ ей:

— Нечего зря баклуши бить! Отнеси бабушкѣ горшочекъ маслица, лепешечку, да штофъ вина: можетъ старуха наклюкается, протянетъ ноги, а мы тогда всѣ ея животишки и достатки заберемъ.

— Я, конечно, пойду — отвѣчаетъ Красная Шапочка. — Но только, чтобы идти не больше восьми-часового рабочаго дня. А на счетъ бабушки — это мысль.

Перемигнулись; хихикнула Красная Шапочка и, напяливъ свой дурацкій головной уборъ, пошла къ бабушкѣ.

Идти пришлось лѣсомъ. Идетъ, интернаціоналъ напѣваетъ, красную гвоздику рветъ. Вдругъ изъ-за куста выходитъ нѣкій таинственный мальчикъ и говоритъ:

— Позвольте представиться: заграничный мальчикъ Левъ Троцкій. Чего несете? О—о, да тутъ прекрасныя вещи! Дай-ка я ихъ тово... Да ты не плачь — я вѣдь тебѣ стаканчикъ-другой поднесу.

— А что же я бабушкѣ-то скажу?

— Скажи—Сѣрый русскій Волкъ слопалъ. Вали какъ на мертваго.

Пришла, пошатываясь, къ бабушкѣ Красная Шапочка. Старуха къ ней:

— Принесла?

— Да какъ же! Держи карманъ шире. Развѣ этотъ грабитель, Сѣрый Волкъ, пропуститъ — все слопалъ!

Только облизнулась бѣдная старуха.

А въ это время, какъ извѣстно, жилъ былъ у бабушки Сѣренькій Козликъ. Вздумалось козлику въ лѣсъ погуляти.

— Отпусти ты его буржуя, — совѣтуетъ Красная Шапочка.—

Пусть идетъ въ лѣсъ. Довольно ему, саботажнику, дома лодырничать. Какъ говорится: всѣ на фронтъ.

Отпустила бабушка Сѣренькаго Козлика въ сопровожденіи Красной Шапочки, а той только того и нужно. Едва вошли въ лѣсъ — изъ-за куста давешній мальчикъ:

— А что, товарищъ, не слопать ли намъ козла?

— А что я бабушкѣ скажу?

Подмигнулъ мальчикъ, хихикнулъ.

— А Сѣрый русскій Волкъ на что? Вали на него — вывезетъ. Кстати старуха-то сама фартовая? Клевъ есть?

— Да ежели потрясти — есть чего. Только на мокрое дѣло я не пойду. Чтобы безъ убійства.

— А Сѣрый Волкъ на что? Свалимъ на эту скотину. Айда!

Пошли и «пришили» старушку.

Зажили въ старухиномъ домѣ припѣваючи. Мальчикъ на старухиной кровати развалился, цѣлый день валяется, а Красная Шапочка по хозяйству хлопочетъ, сундуки взламываетъ.

* * *

А въ это время по всѣму лѣсу пошелъ нехорошій и для добродушнаго Сѣраго Волка позорный слухъ: что будто бы онъ не только людей провизіи и продуктовъ лишаетъ, не только буржуазнаго козленка зарѣзалъ, но и самое бабушку прикончилъ.

Обидно стало Сѣрому. Пойду, думаетъ, къ старухѣ, лично все выясню.

Приходитъ — те-те-те! Полуштофъ пустой на столѣ стоитъ, на стѣнѣ козлинная шкура, а Красная Шапочка уже въ бабушкиныхъ нарядахъ щеголяетъ.

— Ловко сработано, — съ горечью подумалъ Сѣрый Волкъ.

Подошелъ къ Троцкому, подсѣлъ на краешекъ кровати и спрашиваетъ:

— Отчего у тебя такой языкъ длинный?

— Чтобы на митингахъ орать.

— Отчего у тебя такой носикъ большой?

— Причемъ тутъ національность?

— Отчего у тебя такія большія ручки?—

— Чтобы лучше сейфы вскрывать! Знаешь нашъ лозунгъ: грабь награбленное!

— Отчего у тебя такія ножки большія?

— Идіотскій вопросъ! А чѣмъ же я буду, когда засыплюсь, въ Швейцарію убѣгать?!

— Ну, нѣтъ, братъ,—вскричалъ Волкъ и въ тотъ же мигъ—гамъ! и съѣлъ заграничнаго мальчика, сбилъ лапой съ головы глупый дѣвченки красную шапочку и, вообще, навелъ Сѣрый такой порядокъ, что снова въ лѣсу стало жить хорошо и привольно.

Кстати въ прежнюю старую сказку въ самый конецъ впутался какой-то охотникъ.

Въ новой сказкѣ—къ черту охотника.

Много васъ тутъ, охотниковъ найдется къ самому концу приходить...

КОРОЛИ У СЕБЯ ДОМА

Всѣ почему-то думаютъ, что коронованныя особы—это какіе-то небожители, у которыхъ на головѣ алмазная корона, во лбу звѣзда, а на плечахъ горностаевая мантія, хвостъ которой волочится сажени на три сзади.

Ничего подобнаго. Я хорошо знаю, что въ своей частной интимной жизни коронованныя особы живутъ такъ же обывательски просто, какъ и мы грѣшные.

Напримѣръ, взять Ленина и Троцкаго.

На оффиціальныхъ пріемахъ и парадахъ они—одно, а въ своей домашней обстановкѣ—совсѣмъ другое. Никакихъ громовъ, никакихъ перуновъ.

Ну, скажемъ, вотъ:

* * *

Сѣренькое московское утро. Кремль. Грановитая палата.

За часмъ мирно сидятъ Ленинъ и Троцкій.

Троцкій, затянутый съ утра въ щеголеватый френчъ, обутый въ лакированные сапоги со шпорами, съ сигарой, встав-

ленной въ длинный янтарный мундштукъ—олицетворяетъ собою главное, сильное, мужское начало въ этомъ удивительномъ супружескомъ союзѣ. Ленинъ—madame представитель подчиняющагося, болѣе слабаго, женскаго—начала.

И онъ одѣтъ соотвѣственно; затрепанный халатикъ, на шеѣ нѣчто вродѣ платка, потому что въ Грановитой палатѣ всегда нѣсколько сыровато; на ногахъ красные шерстянные чулки отъ ревматизма, и мягкія ковровыя туфли.

Троцкій посасывая мундштукъ, совсѣмъ, съ головой, ушелъ въ газетный листъ; Ленинъ перетираетъ полотенцемъ стаканы.

Молчаніе. Только самоваръ напѣваетъ свою однообразную вѣковую пѣсенку.

— Налей еще—говоритъ Троцкій, не отрывая глазъ отъ газеты.

— Тебѣ покрѣпче или послабѣе?

Молчаніе.

— Да брось ты свою газету! Вѣчно уткнетъ носъ такъ, что его десять разъ нужно спрашивать.

— Ахъ, оставь ты меня въ покоѣ, матушка! Не до тебя тутъ.

— Ага! Теперь уже не до меня! А когда сманивалъ меня изъ-заграницы въ Россію,—тогда было до меня!... Всѣ вы, мужчины, одинаковы.

— Поѣхала!

Троцкій вскакиваетъ, нервно ходитъ по Палатѣ, потомъ останавливается. Сердито:

— Кременчугъ взятъ. На Кіевъ идутъ. Понимаешь?

— Что ты говоришь! А какже наши доблестные красные полки, авангардъ міровой революціи?..

— Доблестные? Да моя бы воля, такъ я бы эту сволочь...

— Левушка... Что за слово...

— Э, не до словъ теперь, матушка. Кстати: ты транспортъ-то со снарядами послала въ Курскъ?

— Откуда же я ихъ возьму, когда тотъ заводъ не работаетъ, этотъ бастуетъ...Рожу я тебѣ ихъ, что-ли? Ты вотъ о чемъ подумай!

— Да? Я долженъ думать?! Обо всемъ, да? Мужъ и воюй, и страну организуй, и то и се, а жена только по диванамъ валяется да глупѣйшаго Карла Маркса читаетъ? Эти романчики пора уже оставить...

— Что ты мнѣ своей организаціей глаза колешь?! вспылилъ Ленинъ, нервно отбрасывая мокрое полотенце.—Нечего сказать—организовалъ страну: по улицамъ пройти нельзя или рабочій мертвый лежитъ, или лошадь дохлая валяется.

— А чего жъ они, подлецы, не убираютъ... Я вѣдь распорядился. Господи! Простой чистоты соблюсти не могутъ.

— Ахъ, да развѣ только это? Вѣдь намъ теперь и глазъ къ сосѣдямъ не покажи—засмѣютъ. Устроили страну, нечего сказать; на рынкѣ ни къ чему приступу нѣтъ—курица 8000 руб. крупа—3000, масло... э, да и что тамъ говорить!! Ходишь на рынокъ, только растраиваешься.

— Ну, чтожъ... развѣ я тебѣ въ деньгахъ отказывалъ? Не хватаетъ можно подпечатать. Ты скажи тамъ въ экспедиціи заготовленія...

— Э, да развѣ только это. А венгерская соціальная революція... Курамъ на смѣхъ! Твой же этотъ самый придворный поэтъ во всю глотку кричалъ:

Мы на горѣ всѣмъ буржуямъ,
Міровой пожаръ раздуемъ...

— Раздули пожаръ... тоже! Хвалилась синица море зажечь. Ну, съ твоей ли головой такой страной управлять, скажи, пожалуйста?!

— Замолчишь ли ты, проклятая баба!—гаркнулъ Троцкій, стукнувъ кулакомъ по столу. Не хочешь, не нравится — скатертью дорога!

— Скатертью?—вскочилъ Ленинъ и подбоченился.—Это куда же скатертью? Куда я теперь поѣду, когда, благодаря твоей дурацкой войнѣ мы со всѣхъ сторонъ окружены? Завлекъ, поигралъ, поигралъ, а теперь вышвыриваешь, какъ старый башмакъ? Знала бы—лучше пошла бы за Луначарскаго.

Бѣшеный огонь ревности сверкнулъ въ глазахъ Троцкаго.

— Не смѣй и имени этого соглашателя произносить!! Слышишь? Я знаю, ты ему глазки строишь, и онъ у тебя до третьяго часу ночи просиживаетъ; имѣй въ виду: застану—искалѣчу. Это, что еще? Слезы? Чортъ знаетъ что! Каждый день скандалъ—чаю не дадутъ дома спокойно выпить! Ну, довольно! Если меня спросятъ—скажи, я поѣхалъ принимать парадъ доблестной крас-

ной арміи. А то, если этихъ мерзавцевъ не подтягивать...Поняла? Положи мнѣ папиросъ въ портсигаръ, да платокъ сунь въ карманъ чистый! Что у насъ сегодня на обѣдъ? . . . . . .

. . . . . .

Вотъ какъ просто живутъ коронованныя особы.

Горностай да порфира—это на людяхъ, а у себя въ семьѣ, когда мужъ до слезъ обидитъ—можно и въ затрапезный шейный платокъ высморкаться.

УСАДЬБА И ГОРОДСКАЯ КВАРТИРА

Когда я начинаю думать о старой, канувшей въ вѣчность, Россіи, то меня больше всего умиляетъ одна вещь: до чего это была богатая, изобильная, роскошная страна, если послѣднихъ три года повальнаго всеобщаго, равнаго, тайнаго и явнаго грабежа—всетаки не могутъ истощить всѣхъ на копленныхъ старой Россіей богатствъ.

Только теперь начинаешь удивляться и разводить руками;

— Да что-жъ это за хозяинъ такой былъ, у котораго даже послѣ смерти его—сколько не тащутъ, все растащить не могутъ...

Большевики считали все это «награбленнымъ» и даже кличъ такой во главу угла поставили:

— Грабь награбленное.

Ой, не награбленное это было. Потому что все, что награблено, никогда впрокъ не идетъ: тутъ же на мѣстѣ пропивается, проигрывается въ карты, раздаривается дамамъ сердца грабителей—«марухамъ» и «шмарамъ»».

А старая Россія не грабила; она накапливала.

Закрою я глаза—и чудится мнѣ старая Россія большой помѣщичьей усадьбой....

Вотъ миновалъ мой возокъ каменныя, прочно сложенныя, почернѣвшія отъ столѣтій, ворота, и уже несутъ меня кони по

длинной безъ конца края липовой аллеѣ, ведущей къ фасаду русскаго, русскаго, русскаго—такого русскаго, близкаго сердцу дома съ бѣлыми колоннами и старымъ-престарымъ фронтономъ.

Солнце пробивается сквозь листву липъ, и золотыя пятна бѣгаютъ по дорожкѣ и колеблются, какъ живыя...

А на террасѣ уже стоитъ вальяжный, улыбающійся хозяинъ и радостно привѣтствуетъ меня.

Объятія, троекратные поцѣлуи по русскому обычаю и первый вопросъ;

— Обѣдали?

И праздный вопросъ, потому что мой отвѣтъ, все равно, не нуженъ хозяину: пусть сытый гость лопнетъ по всѣмъ швамъ, но обѣдомъ онъ будетъ накормленъ...

Тѣ же золотыя пятна бѣгаютъ уже по бѣлоснѣжной скатерти, зажигаются рубинами на домашней наливкѣ, вспыхиваютъ изумрудами на смородиновкѣ, настоянной на молодыхъ остропахнущихъ листьяхъ, и уже дымится передъ гостемъ и хозяиномъ наваристый борщъ и пыжится пухлая, какъ пуховая перина, кулебяка...

— А вы пока маринованныхъ грибковъ — домашніе! И вотъ рыбки этой—изъ собственнаго пруда... А квасомъ—прямо говорю могу похвастаться; въ носъ такъ и шибаетъ—сама жена у меня по этому дѣлу ходокъ...

Тихо прячется за березовую рощу красное утомленное солнце. Смягченная далью, грустно и красиво доносится еле слышная пѣсня косарей.

— Эй,—кричитъ кому-то внизъ разошедшійся хозяинъ.—По случаю пріѣзда дорогого гостя—выдать косарямъ по двѣ чарки водки! А вы, голубчикъ, не устали ли? Можетъ отдохнуть хотите? Пойдемте, покажу вашу комнату...

Въ моей комнатѣ уже зажжена лампа... Усталыя ноги мягко ступаютъ по толстымъ половикамъ, а взоръ такъ и тянется къ свѣжимъ холодноватымъ простынямъ раскрытой постели...

— Вотъ вамъ спички, вотъ свѣча, вотъ графинъ грушеваго квасу — вдругъ да пить ночью захотите. Да вы, можетъ быть, съѣли бы чего нибудь на ночь? Перепелочки есть, осетрина холодная... Нѣтъ? Ну, Господь съ вами. Спите себѣ.

Я одинъ... Подхожу къ этажеркѣ, что важно выпятилась въ углу сотней прочныхъ кожанныхъ книжныхъ переплетовъ, начинаю перебирать книги. Гоголь, Достоевскій, Толстой, Успенскій...

Почитаю...

Ахъ, какъ хорошо въ русской Россіи почитать русскому человѣку русскаго писателя, ахъ, какъ хорошо знать, что ты подъ гостепріимнымъ кровомъ русскаго привѣтливаго хлѣбосола, что когда ты погасишь лампу въ окно къ тебѣ будутъ заглядывать блѣдныя русскія звѣзды, а за окномъ тихо и ласково будутъ перешептыватся о твоихъ дѣлахъ на своемъ непонятномъ языкѣ скромныя застѣнчивыя русскія березки и елочки...

Все задремываетъ... И разнокалиберная шумливая птица въ птичникѣ, и толстая неповоротливая, сбильно кормленная и поенная скотина въ хлѣву, и золотой хлѣбъ въ закромахъ, и свертки плотнаго домотканнаго полотна въ темныхъ, окованныхъ желѣзомъ укладкахъ, и старыя сѣдыя бутылки въ дѣдовскомъ погребѣ—все спитъ—плотное, солидное, накопленное не въ годъ и не на годъ, а такъ, что еще и внукамъ останется...

Съ разсчетомъ жили люди, замахиваясь въ своихъ дѣлахъ и планахъ на десятки лѣтъ, жили плотно, часто лѣниво, иногда скучно, но всегда сытно, но всегда нося въ себѣ эволюціонныя сѣмена болѣе горячаго, болѣе живого и бойкаго будущаго...

Все стояло на своемъ мѣстѣ, и во всемъ былъ такъ необходимый простому русскому сердцу уютъ.

* * *

А теперь новая русская «класть» живетъ не въ дѣдовской помѣщичьей усадьбѣ, а въ городѣ: съѣхали жильцы съ квартиры, такъ вотъ теперь эти новые, и взяли покинутую квартиру,значитъ.

Ясно, что когда съ квартиры съѣзжаютъ, она—какой видъ

имѣетъ: голыя стѣны, съ оторванными кое-гдѣ обоями, съ ярко желтыми прямоугольниками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоялъ комодъ или шкафъ... Въ выбитое окно тянетъ сырымъ вѣтеркомъ, на полу обрывки веревокъ, окурки, какія-то рваныя бумажки, два-три аптечныхъ пузырька съ выцвѣтшимъ рецептомъ, въ углу поломанный продавленный стулъ, брошенный за ненадобностью.

Переѣхала сюда «новая власть»... Нѣтъ у нея ни мебели, ни ковровъ, ни портретовъ предковъ...

Переѣхали—даже комнатъ не подмели...

На окнахъ появились десятки опорожненныхъ бутылокъ, огрызковъ засохшей колбасы, въ уголъ поставили утащенный откуда-то роскошный шелковый диванъ съ ободраннымъ бокомъ, и около него примостили опрокинутый пивной боченокъ, въ видѣ ночного столика.

На стѣнѣ на огромныхъ крюкахъ—ружья, въ углу обрывокъ израсходованной пулеметной ленты и старыя полуистлѣвшія обмотки.

Соръ на полу такъ и не подметаютъ, и нога все время наталкивается то на пустую консервную коробку, то на расплющенную голову селедки...

Приходитъ новый хозяинъ. Въ мокрой, пахнущей кислымъ шинели, отяжелѣвшій отъ спирта-сырца, валится прямо на диванъ.

А въ бывшемъ кабинетѣ помѣщаются угрюмые латыши, а въ бывшей дѣтской, гдѣ еще валяется забытый игрушечный зайченокъ съ оторванными лапами, спятъ вонючіе китайцы и «красные башкиры»...

Никто изъ живущихъ въ этой квартирѣ не интересуется ею и никто не собирается устроится въ ней по человѣчески.

Никому и въ голову не придетъ вставить разбитыя стекла, вымести соръ, разостлать бѣлые съ синей каймой половички, развѣсить любимые портреты, застлать кровать чистой простыней.

Зачѣмъ? День прошелъ и слава Интернаціоналу. День да ночь—сутки прочь.

Никто и не вѣритъ въ возможность устроиться въ новой квартирѣ хоть года на три...

Стоитъ ли? А вдругъ придетъ хозяинъ и дастъ по шеямъ.

Такъ и живутъ. Зайдетъ этакій въ квартиру, наслѣдитъ сапогами, плюнетъ, броситъ окурокъ, размажетъ для собственнаго развлеченія на стѣнкѣ клопа и пойдетъ по своимъ дѣламъ: разстрѣливать контръ-революціонера и пить спиртъ-сырецъ.

Непріютно живетъ, по собачьему.

Таковъ новый хозяинъ новой Россіи.

ХЛѢБУШКО

У главнаго подъѣзда монументальнаго зданія было большое скопленіе каретъ и автомобилей.

Мордастый швейцаръ то-и-дѣло покрикивалъ на нерасторопныхъ кучеровъ и тутъ же низкими поклонами привѣтствовалъ господъ во фракахъ и шитыхъ золотомъ мундирахъ, солидно выходящихъ изъ экипажей и автомобилей.

Худая деревенская баба въ штопанныхъ лаптяхъ и бѣломъ платкѣ, низко надвинутомъ на загорѣлый лобъ, робко подошла къ швейцару.

Переложила изъ одной руки въ другую узелокъ и поклонилась въ поясъ...

— Тебѣ чего, убогая?

— Скажи ка мнѣ, кормилецъ, что это за господа такіе?

— Междосоюзная конференція дружественныхъ державъ по вопросамъ міровой политики!

— Вишь ты,—вздохнула баба въ стоптанныхъ лапоткахъ.— Сподобилась видѣть.

— А ты кто будешь?—небрежно спросилъ швейцаръ.

— Россія я, благодѣтель, Россеюшка. Мнѣ бы тутъ за колонкой постоять да хоть однимъ глазкомъ поглядѣть: каки-таки бываютъ конференціи. Можетъ, и на меня сироту, кто нибудь глазкомъ зиркнетъ да обратитъ свое такое вниманіе.

Швейцаръ подумалъ и, хотя былъ иностранецъ, но тутъ же сказалъ цѣлую строку изъ Некрасова:

— «Нашъ не любитъ оборванной черни»... А, впрочемъ, стой— мнѣ что.

По лѣстницѣ всходили разные: и толстые, и тонкіе, и ощипанные, во фракахъ, и дородные въ сверкающихъ золотомъ сюртукахъ съ орденами и лентами.

Деревенская баба всѣмъ низко кланялась и смотрѣла на всѣхъ съ робкимъ испугомъ и тоской ожиданія въ слезящихся глазахъ.

Одному — расшитому золотомъ съ ногъ до головы и обвѣшенному цѣлой тучей орденовъ—она поклонилась ниже другихъ.

— Вишь ты,—тихо замѣтила она швейцару.—Это, вѣрно, самый главный!

— Какое!— пренебрежительно махнулъ рукой швейцаръ.— Вниманія не стоящій. Румынъ.

— А какой важный. Помню, было время, когда у меня подъ окошкомъ на скрипочкѣ пиликалъ, а теперь-ишь-ты! И гдѣ это онъ такъ въ орденахъ вывалялся?..

И снова на лицѣ ея застыло вѣковѣчное выраженіе тоски и терпѣливаго ожиданія...

Даже зависти не было въ этомъ робкомъ сердцѣ.

* * *

Англійскій дипломатъ всталъ изъ-за зеленаго стола, чтобы размяться, подошелъ къ своему коллегѣ-французу и спросилъ его:

— Вы не знаете, что это тамъ за оборванная баба около швейцара въ вестибюлѣ стоитъ?

— Развѣ не узнали? Россія это.

— Охъ, ужъ эти мнѣ бѣдные родственники! И чего ходитъ, спрашивается? Сказано вѣдь: будетъ время—разберемъ и ея дѣло. Стоитъ съ узелкомъ въ рукѣ и всѣмъ кланяется... По моему, это шокингъ.

— Да... Воображаю, что у нея тамъ въ узлѣ... Навѣрное, полкаравая деревенскаго хлѣба и больше ничего.

— Какъ вы говорите?.. хлѣбъ?

— Да. А что жъ еще?

— Вы... увѣрены, что тамъ у нея хлѣбъ?

— Я думаю.

— Гм... да. А, впрочемъ, надо бы съ ней поговорить, разспросить ее. Все-таки, мы должны быть деликатными. Она намъ въ войну здорово помогла. Я—сейчасъ!

И англичанинъ поспѣшно зашагалъ къ выходу.

* * *

Вернулся черезъ пять минутъ, оживленный:

— Итакъ... На чемъ мы остановились?

— Коллега, у васъ на подбородкѣ крошки...

— Гм... Откуда бы это? А вотъ мы ихъ платочкомъ.

* * *

Увязывая свой похудѣвшій узелокъ, баба тутъ же быстро и благодарно крестилась и шептала швейцару:

— Ну, слава Богу.... Самъ-то обѣщалъ спомочь. Теперь, поди, недолго и ждать.

И побрела во-свояси, сгорбившись и тяжко ступая усталыми ногами въ стоптанныхъ лапоткахъ.

ЭВОЛЮЦІЯ РУССКОЙ КНИГИ

Этапъ первый (1916 годъ).

— Ну, у васъ на этой недѣлѣ не густо: всего три новыхъ книги вышло. Отложите мнѣ «Шиповникъ» и «Землю». Кстати есть у васъ «Любовь въ природѣ» Бельше? Чье изданіе? Сытина? Нѣтъ, я бы хотѣлъ Саблинское. Потомъ, нѣтъ ли «Дѣти грѣха» Катюлль Мендеса? Только ради Бога не «Сфинкса»—у нихъ переводъ довольно неряшливъ. А это что? Недурное изданіе. Конечно, Голике и Вильборгъ? Ну, нашли, тоже, что роскошно издавать: «Евгеній Онѣгинъ»— всякій все равно наизусть знаетъ. А чьи иллюстраціи? Самокишъ-Судковской? Сладковаты. И потомъ форматъ слишкомъ широкій: лежа читать неудобно!...

Этапъ второй (1920 годъ).

— Барышня! Я записалъ по каталогу вашей библіотеки 72 названія—и ни одного нѣтъ. Что жъ мнѣ дѣлать?

— Выберите что-нибудь изъ той пачки на столѣ. Это тѣ книги, что остались.

— Гм! Вотъ три—четыре болѣе или менѣе подходящи: «Описаніе древнихъ памятниковъ Олонецкой губерніи», « А вотъ и снова—вновь живая струна», «Макарка Душегубъ» и «Собраніе рѣчей Дизраэли (лорда Биконсфильда)»...

— Ну, вотъ и берите любую.

— Слушайте... А «Памятники Олонецкой губерніи»—интересная?

— Интересная, интересная. Не задерживайте очереди.

Этапъ третій

— Слышали новость?!!

— Ну, ну?

— Ивиковы у себя подъ комодомъ старую книгу нашли! Еще съ 917 года завалялась! Везетъ же людямъ. У нихъ по этому поводу вечеринка

— А какъ называется книга?

— Что значитъ какъ: книга! 480 страницъ! Къ нимъ уже записались въ очередь Пустошкины, Бильдяевы, Россомахины и Партачевы.

— Побѣгу и я.

— Не опоздайте. Ивиковы, кажется, собираются разорвать книгу на 10 тоненькихъ книжечекъ по 48 страницъ и продать.

— Какъ же это такъ: безъ начала, безъ конца?

— Подумаешь—китайскія церемоніи.

Этапъ четвертый.

Публикація:

— Извѣстный чтецъ наизусть стиховъ Пушкина ходитъ по

приглашенію на семейные вечера—читаетъ всю «Полтаву» и в[illegible] «Евгенія Онѣгина». Цѣны по соглашенію. Онъ же дирижир[illegible] танцами и даетъ напрокатъ мороженицу».

Разговоръ на вечерѣ:

— Слушайте! Откуда вы такъ хорошо знаете стихи Пушки[illegible]?

— Выучилъ наизусть.

— Да кто жъ васъ выучилъ: самъ Пушкинъ, что-ли?

— Зачѣмъ Пушкинъ. Онъ мертвый. А я, когда еще книжки были—такъ по книжкѣ вызубрилъ.

— А у него почеркъ хорошій?

— При чемъ тутъ почеркъ? Книга напечатана.

— Виноватъ, это какъ же?

— А вотъ дѣлали такъ: отливали изъ свинца буквочки, ставили одну около другой, мазнутъ сверху черной краской, приложатъ къ бѣлой бумагѣ, да какъ дабанутъ—оно и отпечатается.

— Прямо чудеса какія то! Не угодно ли присѣсть! Папиросочку! Оля, Петя, Гуля—идите послушайте, мусье Гортанниковъ разсказываетъ какія штуки выдѣлывалъ въ свое время Пушкинъ! Мороженицу тоже лично отъ него получили?

Этапъ пятый.

— Послушайте! Хоть вы и хозяинъ только мелочной лавочки, но, можетъ быть, вы поймете вопль души стараго русскаго интеллигента и снизойдете.

— А въ чемъ дѣло?

— Слушайте... Вѣдь вамъ ваша вывѣска на ночь, когда вы запираете лавку, не нужна? Дайте мнѣ ее почитать на сонъ грядущій—не могу заснуть безъ чтенія. А текстъ тамъ очень любопытный—и мыло, и свѣчи, и сметана—обо всякомъ такомъ описано. Прочту—верну.

— Да... всѣ вы такъ говорите, что вернете. А намедни одинъ тоже такъ то вотъ—взялъ почитать доску отъ ящика съ бисквитами Жоржа Бормана, да и зачиталъ. А тамъ и картиночка и буквы разныя... У меня тоже, знаете ли,сынъ растетъ!..

Этапъ шестой.

— Откуда бредете, Иванъ Николаевичъ?

— А за городомъ былъ, прогуливался. На висѣлицы любовался, поставлены у заставы.

— Тоже нашли удовольствіе: на висѣлицы смотрѣть!

— Нѣтъ, не скажите. Я, собственно, больше для чтенія: одна висѣлица на букву «Г» похожа, другая—на «И»—почиталъ и пошелъ. Все таки чтеніе—пища для ума.

РУССКІЙ ВЪ ЕВРОПАХЪ

Лѣтомъ 1921 года, когда все «это» уже кончилось,—въ курзалѣ одного заграничнаго курорта собралась за послѣобѣденнымъ кофе самая разношерстная компанія: были тутъ и греки, и французы, и нѣмцы, были и венгерцы, и англичане, одинъ даже китаецъ былъ...

Разговоръ шелъ благодушный, послѣобѣденный.

— Вы, кажется, англичанинъ?—спросилъ французъ высокаго британаго господина.—Обожаю я вашу націю: самый дѣльный вы, умный народъ въ свѣтѣ.

— Послѣ васъ,—съ чисто гальской любезностью поклонился англичанинъ.—Французы въ минувшую войну дѣлали чудеса... Въ груди француза сердце льва.

— Вы, японцы—говорилъ нѣмецъ, попыхивая сигарой,—изумляли и продолжаете изумлять насъ, европейцевъ. Благодаря вамъ, слово «Азія» перестало быть символомъ дикости, некультурности...

— Недаромъ насъ называютъ «нѣмцами Дальняго Востока»,—скромно улыбнувшись, отвѣтилъ японецъ, и нѣмецъ вспыхнулъ отъ удовольствія, какъ пукъ соломы.

Въ другомъ углу грекъ тужился, тужился и наконецъ, сказалъ:

— Замѣчательный вы народъ, венгерцы!

— Чѣмъ?—искренно удивился венгерецъ.

— Ну, какъ же... Венгерку хорошо танцуете. А однажды я купилъ себѣ суконную венгерку, расшитую разными этакими штуками. Хорошо носилась! Вино опять же; нарѣзаться венгерскимъ—самое святое дѣло.

— И вы, греки, хорошіе.

— Да что вы говорите?! Чѣмъ?

— Ну... вообще. Пріятный такой народъ. Классическій. Маслины вотъ тоже. Периклы всякіе.

А сбоку у стола сидѣлъ одинъ молчаливый бородатый человѣкъ и, опустивъ буйную голову на ладони рукъ, сосредоточенно печально молчалъ.

Любезный французъ давно уже поглядывалъ на него, Наконецъ, не выдержалъ, дотронулся до его широкаго плеча:

— Вы, вѣроятно, м-сье, турокъ? По моему—одна изъ лучшихъ націй въ мірѣ!

— Нѣтъ, не турокъ.

— А кто же, осмѣлюсь спросить?

— Да такъ, вообще, пріѣзжій. Да, вамъ, собственно, зачѣмъ?

— Чрезвычайно интересно узнать.

— Русскій я!!

Когда въ тихій дремлющій лѣтній день вдругъ откуда-то сорвется и налетитъ порывъ вѣтра, какъ испуганно и озабоченно закачаются, зашелестятъ верхушки деревьевъ, какъ безпокойно завозятся и защебечутъ примолкшія отъ зноя птицы, какой тревожной рябью вдругъ подернется зеркально-уснувшій прудъ!

Вотъ такъ же закачались и озабоченно, удивленно зещебетали венгерскія, французскія, японскія головы; такъ же доселѣ гладкія зеркально-спокойныя лица подернулись рябью тысячи самыхъ различныхъ взаимно борющихся между собою ощущеній.

— Русскій? Да что вы говорите? Настоящій?

— Дѣтки! Альфредъ, Мадлена! Вы хотѣли видѣть настоящаго русскаго—смотрите скорѣе! Вотъ онъ, видите сидитъ.

— Бѣдняга!

— Бѣдняга-то бѣдняга, да я давеча, когда расплачивался, бумажникъ два раза вынималъ. Переложить въ карманы брюкъ, что ли?

— Смотрите, вонъ русскій сидитъ.

— Гдѣ, гдѣ?!.. Слушайте, а онъ бомбу въ насъ не броситъ?

— Можетъ, онъ голодный, господа, а вы на него вызвѣрились. Какъ вы думаете, удобно ему предложить денегъ?

— Нѣмца бы отъ него подальше убрать. А то нѣмцы больно ужъ ему насолили... какъ бы онъ его не тово!

Французъ сочувственно, но съ легкимъ оттѣнкомъ страха жалъ ему руку, японецъ ласково съ тайнымъ соболѣзнованіемъ въ узкихъ глазкахъ гладилъ его по плечу, кто-кое предлагалъ сигару, кое кто плотнѣй застегнулся. Заботливая мать, схвативъ за руки плачущаго Альфреда и Мадлену пыхтя, какъ буксирный пароходъ, утащила ихъ домой.

— Очень васъ большевики мучили?—спросилъ добрый японецъ.

— Скажите, а правда, что въ Москвѣ собакъ и крысъ ѣли?

— Объясните, почему русскій народъ свергнулъ Николая и выбралъ Ленина и Троцкаго? Развѣ они были лучше?

— А что такое взятка? Напитокъ такой или танецъ?

— Правда-ли, что у васъ сейфы вскрывали? Или, я думаю, это одна изъ тысячи небылицъ, распространенныхъ врагами Россіи... А правда, что если русскому рабочему запѣть «Интернаціоналъ»,— онъ сейчасъ же начинаетъ вѣшать на фонарѣ прохожаго человѣка въ крахмальной рубашкѣ и очкахъ?

— А правда, что нѣкоторые русскіе покупали фунтъ сахару за пятьдесятъ рублей, а продавали за тысячу?

— Скажите, совнаркомъ и совнархозъ опасныя болѣзни? Правда-ли, что разбойнику Разину поставили на главной площади памятникъ?

— А вотъ, я слышалъ, что буржуазные классы имѣютъ тайную ужасную привычку, поймавъ рабочаго, прокусывать ему артерію и пить теплую кровь, пока...

— Горитъ!!—крикнулъ вдругъ русскій, шваркнувъ полпудовымъ кулакомъ по столу.

— Что горитъ? Гдѣ? Боже мой... А мы то сидимъ...

— Душа у меня горитъ! Вина!! Эй, кельнеръ, камерьере, шестерка—какъ тебя тамъ?! Волоки вина побольше! Всѣхъ угощаю!! Поймете ли вы тоску души моей?! Сумѣете-ли заглянуть въ бездну хаотической первозданной души славянской. Всѣмъ давай бокалы. Эхъ-ма! «Умру, похоро-о-нятъ, какъ не жилъ на свѣтѣ»...

Сгущались темно-синія сумерки.

Русскій, страшный, растрепанный ,держа въ одной рукѣ бутылку Поммери-секъ, а кулакомъ другой руки грозя заграничному небу, говорилъ:

— Сочувствуете, говорите? А мнѣ чихать на ваше такое заграничное сочувствіе!! Вы думаете, вы мнѣ всѣ, всѣ, сколько васъ есть—мало крови стоили, мало моей жизни отняли? Ты, нѣмецкая морда, ты мнѣ кого изъ Циммервальда прислалъ? Развѣ такъ воюютъ? А ты, лягушатникъ тамъ... «Монъ ами, да монъ ами, бонъ да бонъ», а самъ взялъ да большевикамъ Крымъ и Одессу отдалъ? Развѣ это боновое дѣло? Развѣ это фратерните? Развѣ я могу забыть? А тебѣ развѣ я забуду, какъ ты своихъ носатыхъ китайскихъ чертей прислалъ—нашъ Кремль поганить, нашу дор...доррогую Россію губить, а? А венгерецъ... тоже и ты хорошъ: тебѣ бы мышеловками торговать, да венгерку плясать, а ты въ соціалистическія революціи полѣзъ, Бела-Куновъ, чортъ ихъ подери, на престолы сажать... а? Охъ, горько мнѣ съ вами, охъ тошнехонько... Пить со мной мое вино вы можете сколько угодно, но понять мою душеньку!?... Горитъ внутри, братцы! Закопалъ я свою молодость, свою радость въ землю сырую... «Умру-у, похоро-о-онятъ, какъ не-е жилъ на свѣтѣ!» . . . . . .

. . . . . .

И долго еще въ опустѣвшемъ курзалѣ, когда всѣ постепенно, на цыпочкахъ, разошлись—долго еще разносились стоны и рыданія полупьянаго одинокаго человѣка, непонятаго, униженнаго въ своемъ настоящемъ трезвомъ видѣ и еще болѣе непонятаго въ пьяномъ... И долго лежалъ онъ такъ, наразгаданная мятущаяся душа, лежалъ, положивъ голову на ослабѣвшія руки, пока не подошелъ метрдотель:

— Господинъ... Тутъ счетъ.

— Что? Пожалуйста! Русскій человѣкъ за всѣхъ долженъ платить! Получите сполна,

ОСКОЛКИ РАЗБИТАГО ВДРЕБЕЗГИ

Оба они сходятся у ротонды Севастопольскаго Приморскаго бульвара, передъ закатомъ, когда все такъ неожиданно мѣняетъ краски: море изъ зеркально голубого переходитъ въ рѣзко синее, съ подчеркнутымъ подъ верхней срѣзанной половинкой солнца горизонтомъ; солнце изъ ослѣпительно оранжеваго превращается въ огромный полукругъ, нестерпимо краснаго цвѣта; а спокойное голубое небо, весь день томно дрожавшее отъ ласкъ пылкаго зноя, къ концу дня тоже вспыхиваетъ и загорается яркимъ предвечернимъ румянцемъ—однимъ словомъ, когда вся природа передъ отходомъ ко сну съ неожиданной энергіей вспыхиваетъ новыми красками и хочетъ поразить пышностью

тогда сходятся они у ротонды, садятся они на скамеечку подъ нависшими вѣтвями маслины и начинаютъ говорить...

У одного красивый старческій профиль чрезвычайно правильнаго рисунка, маленькая бѣлая, очень чистенькая бородка и черные еще живые глаза. Онъ петербуржецъ, бывшій сенаторъ, на всѣхъ торжествахъ появлялся въ шитомъ золотомъ мундирѣ и бѣлыхъ панталонахъ;—былъ богатъ, щедръ, со связями. Теперь на артиллерійскомъ складѣ поденно разгружаетъ и сортируетъ снаряды.

Другой — маленькій рыжій старичекъ, съ безцвѣтнымъ петербургскимъ личикомъ и медлительными движеніями человѣка, привыкшаго повелѣвать. Онъ былъ директоромъ огромнаго металлургическаго завода, считавшагося первымъ на Выборгской сторонѣ. Теперь онъ—приказчикъ комиссіонаго магазина и въ послѣднее время пріобрѣлъ даже нѣкоторую опытность въ оцѣнкѣ поношенныхъ дамскихъ капотовъ и плюшевыхъ дѣтскихъ медвѣдей, приносимыхъ на комиссію.

Сойдясь и усѣвшись другъ противъ друга, они долго молчатъ, будто раскачиваясь; да и въ самомъ дѣлѣ раскачиваютъ головами, какъ два бѣлыхъ медвѣдя во время жары въ бассейнѣ зоологическаго сада.

Наконецъ, первымъ раскачивается сенаторъ:

— Рѣзкія краски,—говоритъ онъ, указывая на горизонтъ.—Нехорошо.

— Аляповато,—укоризнено соглашается приказчикъ комиссіоннаго магазина.—Всѣ краски на палитрѣ не смѣшаны, всѣ краски грубо подчеркнуты.

— А помните наши петербургскіе закаты...

— Ну!!...

— Небо—розовое съ пепельнымъ, вода—кусокъ розоваго зеркала, всѣ деревья—темные силуэты, какъ вырѣзанныя. Темный рисунокъ Казанскаго собора на жемчужномъ фонѣ...

— И не говорите! Не говорите! А когда зажгутъ фонари Троицкаго моста...

— А кусочекъ канала, гдѣ Спасъ на Крови...

— А тяжелая арка въ концѣ Морской, гдѣ часы...
— Не говорите!
— Ну скажите: что мы имъ сдѣлали? Кому мы мѣшали?
— Не говорите!

* * *

Оба старика понукаютъ головами... Потомъ одинъ изъ нихъ снова распускаетъ бѣлые паруса сладкихъ воспоминаній и несется въ быстрой чудесной лодкѣ, убаюкиваемый—все назадъ, назадъ, назадъ...

— Помните постановку «Аиды» въ Музыкальной Драмѣ?

— Да ужъ Лапицкій былъ—ловкая шельма! Умѣлъ сдѣлать. Балъ у Лариныхъ, напримѣръ, въ «Онѣгинѣ», а?

— А второй актъ «Карменъ»?

— А оркестръ въ «Маріинкѣ»? Помните, какъ вступятъ скрипки, да застонутъ віолончели — Господи, думаешь: гдѣ же это я—на землѣ или на небѣ?!

— Ахъ, Направникъ, Направникъ!...

Сенаторская голова, сѣдая голова съ профилемъ римскаго патриція никнетъ...

Рядомъ два восточныхъ человѣка, въ изумительно выутюженныхъ бѣлыхъ костюмахъ и безукоризненныхъ воротничкахъ тоже перебрасываются тихими фразами:

— Съ утра только я и успѣлъ взять изъ таможни 7 ящиковъ лимоновъ и 12—спичекъ. Понимаешь?

— А Амбарцунъ?

— Амбарцуна мануфактурой завалили.

— А Вилли Ферреро въ Дворянскомъ Собраніи?! Это Божье чудо, это будто Христосъ въ дѣтствѣ вторично спустился на землю!... Половина публики тихо рыдала...

— А что съ какао?

— Амбарцуна какаомъ завалили.

— Чего я никогда уже, вѣроятно, не услышу,—это игры Гофмана...

— А помните, какъ Никишъ...

Изъ ресторана вѣтерокъ доноситъ дразнящій запахъ жаренаго мяса.

— Вчера съ меня за отбивную котлету спросили 8 тысячъ...

— А помните «Медвѣдя»?

— Да. У стойки. Правда, рюмка лимонной водки стоила полтинникъ, но за этотъ же полтинникъ привѣтливые буфетчики буквально навязывали вамъ закуску: свѣжую икру, заливную утку, соусъ кумберлендъ, саладъ оливье, сыръ изъ дичи.

— А могли закусить и горяченькимъ: котлетками изъ рябчика, сосисочками въ томатѣ, грибочками въ сметанѣ... Да!!! Слушайте—а, растеги?!

— Ахъ, Судаковъ, Судаковъ!...

— Мнѣ больше всего нравилось, что любой капиталъ давалъ тебѣ возможность войти въ соотвѣтствующее мѣсто: есть у тебя 50 рублей—пойди къ Кюба, выпей рюмочку Мартеля, проглоти десятокъ устрицъ, запей бутылочкой шабли, заѣшь котлеткой даньонъ, запей бутылочкой Поммери, заѣшь гурьевской кашей, запей кофе съ Джинжеромъ... Имѣешь 10 цѣлковыхъ—иди въ «Вѣну» или въ «Малый Ярославецъ». Обѣдъ изъ пяти блюдъ съ цыпленкомъ въ меню—цѣлковый, лучшее шампанское 8 цѣлковыхъ, водка съ закуской 2 цѣлковыхъ... А есть у тебя всего полтинникъ—иди къ Федорову, или къ Соловьеву: на полтинникъ и закусишь, и водки выпьешь и пивцомъ зальешь...

— Эхъ, Федоровъ, Федоровъ!... Кому это мѣшало?...

— А лѣтомъ въ «Буффъ» поѣдешь: музыка гремитъ, на сценѣ Тамара «Боккаціо» изображаетъ... Помните? Какъ это она: «Такъ надо холить по-о-чку»... Ахъ, Зуппе! Ахъ, Оффенбахъ!...

Восточные человѣки наговорились о своихъ дѣлахъ, прислушиваются къ разговору сенатора и директора завода. Слушаютъ, слушаютъ—и полное непониманіе на ихъ лицахъ, украшенныхъ солидными носами... На какомъ языкѣ разговоръ?...

— А «Маскотта»? «Сядемъ въ почтовую карету скорѣй»... А Джонсовская «Гейша»?... «Глупо, наивно попала въ сѣти я»...

— Ну!... А «Луна-Паркъ»!

— А Айседора!

— А премьеры въ Троицкомъ или въ Литейномъ!!...

— А пуантъ съ Фелисьеномъ и ужинами подъ румынъ, у воды!..

— А аттракціоны въ Вилла Роде?...

— А откровенія психо-графолога Моргенштерна! Хе-хе...

— А развѣ лѣзло утромъ кофе въ горло безъ «Петербургской Газеты»?!

— Да! Съ романомъ Брешки внизу! Какъ это онъ: «Виконтъ надѣлъ галифэ, засунулъ въ карманъ парабеллумъ затянулся «Боливаромъ», вскочилъ на гунтера, далъ шенкеля и поскакалъ къ авантюристу Петко Мирковичу!» Слова то все какія подобраны, хе-хе...

— А «Сатириконъ» по субботамъ! Съ утра торопишь Агафью, чтобы сбѣгала на уголъ за журналомъ...

— А премьеры Андреевскихъ пѣсъ... Какое волнующее чувство.

— А когда художественники пріѣзжали...

И снова склоненныя головы, и снова щемящій душу рефренъ:

— Чѣмъ имъ мѣшало все это...

Подходитъ билетеръ съ книжечкой билетовъ и дѣвица съ огромнымъ денежнымъ ящикомъ.

— Возьмите билеты, господа...

— Мы... этого... намъ не надо. Почемъ билеты?

— По пятьсотъ...

— Только за то, чтобы посидѣть на бульварѣ?! Пятьсотъ?..

— Помилуйте, у насъ музыка...

— Пойдемъ, Алексѣй Валерьянычъ...

Понурившись, уходятъ.

У выхода пріостанавливаются.

— А нашъ Лѣтній Садъ, помните? Эти дряхлыя статуи, скамеечки... Музыка тоже играла...

— А канавка у Дворца. «Ужъ полночь, а Германа все нѣтъ»! Какіе голоса были!.. Ахъ, Лиза, Лиза. . . . . .

. . . . . .

— За что они Россію такъ?...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 5
Фокусъ великаго кино 9
Поэма о голодномъ человѣкѣ 13
Трава, примятая сапогами 19
Чертово колесо 23
Черты изъ жизни рабочаго Пантелея Грымзина 29
Новая русская сказка 32
Короли у себя дома 36
Усадьба и городская квартира 40
Хлѣбушко 45
Эволюція русской книги 48
Русскій въ Европахъ 52
Осколки разбитаго въ дребезги 56

ФР.

557366
Averchenko, Arkady Timofeevich
Дюжина ножей въ спину революціи.
[Translitereted: Dyuzhina nozhei v spinu revolyutsii.]
LR
A9523d

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED